

ИСКУССТВО ЖИЗНИ

Леонид ЗОРИН

СТОЯЛ январь, но небо было прозрачно-синим, солнце золотило станционные здания, и для того, что недавно оставил Москву, все вокруг пахло весенней свежестью. Вдоль всего перрона стояли девочки в школьной форме. Они держали в руках букеты.

Пассажиры занимали три вагона, их было около ста человек, почти все — актеры и режиссеры, приехавшие в Поти отметить традиционный день грузинского театра.

Место для этого торжества было избрано не случайно. Общественный праздник совпадал с городским. После реконструкции открывал свои двери театр. На центральной площади, от которой радиально расходились улицы, теперь стояло, в сущности, совсем новое здание. Оно сияло своей белизной и казалось кораблем, готовым к отплытию, — сразу вспоминалось, что почти рядом греется у берега Черное море.

Весь город участвовал в создании этого дома искусства и нетерпеливо ждал дня открытия. Уже было известно, что руководить театром будет опытный режиссер Мирзочулава, что в его спектаклях будет принимать участие талантливая актриса Театра Руставели Зинаида Кверенчиладзе...

В три часа дня в обновленном фойе от собравшихся было тесно, хотя большая часть уже заполнила зал. Ленточка вытянулась над ступенями, точно алая ленточка, полукругом стояли малышки в розовых платьях с бантами в волосах — их было много, не меньше двадцати, — пунцовые от волнения, они замерли в ожидании торжественной минуты.

К ленточке с ножницами в руке приблизилась старейшая грузинская актриса, чье имя известно во всей стране. Верико Анджапаридзе шла легко и уверенно, не ощущая груза лет. За ней, мягко ступая, приблизилась ее дочь Софиго Чиаурели, в уголках ее губ таилась улыбка, хорошо знакомая каждому зрителю, но неразгаданная и поныне.

Ножницы невесомо коснулись ткани, она послушно разошлась в разные стороны, словно раздвинувшийся занавес, — в тот же миг девочки запели и взрослые подхватили песню.

Пели все — и горожане, и гости, и лица их были значительны и строги. Пели режиссеры Роберт Стурца и Григорий Лордкипанидзе, пели артисты Георгий Гегечкори и Котэ Махарадзе, драматурги Гурам Батиазвили и Александр Чхаидзе, пели корабельщики, строители, и голоса их сливались с голосами девочек в розовых платьях. И почти потерявшее смысл уподобление театра храму вдруг стало естественным и оправданным.

Потом были речи и поздравления, а Верико Анджапаридзе сказала несколько теплых слов о Бакури Гулуа, первом секретаре горкома партии, чье имя не однажды звучало в связи с известным «потийским экспериментом», но он же, Гулуа, как выяснилось, был и душой реконструкции театра, в котором отныне было три сцены, кроме основной, — малая и экспериментальная, — в городе с населением в шестьдесят тысяч!

Свое искусство показывали актеры многих театров, а кульминацией был сначала выход Софиго Чиаурели, которая всех подожгла своим танцем, и — почти сразу же — появление Верико. Она прошла в лезгинке и царственно, и озорно — почти непостижимо

сочетание! И весь зал встал, приветствуя чудо.

В конце торжества на сцену вышла красивая женщина с охапкой гвоздик, это и была Зинаида Кверенчиладзе, и после прочитанных ею стихов сцену заполнили артисты потийского театра, в своем большинстве молодые люди, только что закончившие институт...

НЕТ СМЫСЛА походя говорить о «потийском эксперименте», который давно вышел за пределы места рождения, это дело экономистов, уже немало о нем написавших. Хочется сказать о самом Бакури Гулуа.

Перед нами стоял среднего роста сравнительно молодой человек (Бакури Давидовичу тридцать семь, но выглядит он еще моложе), в каждом жесте его, в каждом взгляде ощущались энергия и мысль.

Он говорил о том, что Поти — город, который привык трудиться, умеет трудиться, знает цену труду. И чтоб всегда держать свою марку, потийцы должны быть духовно наполненными. Духовно наполненный человек ощущает работу как потребность в творчестве и одолевает все испытания.

Верико Анджапаридзе смотрела на него с неприкрытой нежностью.

— Могу признаться: люблю этого человека, — сказала она. — Он из тех, кто понимает, чем люди живы, и делает все, чтобы помочь им жить.

Наклонившись ко мне, Нодар Джанберидзе негромко добавил:

— Верико права: Бакури Гулуа понимает, что хлеб духовный есть хлеб насущный. И он не одинок. Вы собираетесь в Хобский район. Не сомневайтесь, что там вы сведете еще одно интересное знакомство.

В Хоби (как и в Поти) нас вез Бадри Кобахидзе — народный артист и один из руководителей театрального общества. Легкий, стремительный, артистичный в каждом движении.

— Это не совсем бескорыстное путешествие, — говорил он, — ведь я сам родом из Хобского района...

По обе стороны дороги летели ороженные затылками выложенным камнем дома с легкими лесенками, как бы прислонившимися к торцу второго этажа. В садах пламенели крупные красные мандарины и овальная оранжевая хурма. И странно было видеть в это время года то тут, то там островки зеленой травы.

Мы въехали на центральную площадь города Хоби (городом он стал полтора года назад) и сразу же приметили плотного мужчину в черном кожаном пальто с черной шапкой волос над крутым лбом. Это и был Нугзар Надарая, секретарь Хобского райкома партии.

СНУГЗАРОМ Надарая достаточно было провести несколько минут, чтобы почувствовать, какой горячий темперамент заключен в его пластик, в манере речи, в ежесекундном перемещении в пространстве.

— Смотрите внимательно, — сказал Надарая, — это сделал нам Зураб Церетели.

Он имел в виду «Древо жизни», воздвигнутое тбилисским зодчим прямо на площади перед Дворцом культуры. Это было прекрасное творение мастера с характерной для него вязью, с тонкой отработкой деталей. Сквозь ажурную медную паути-

ну, свитую медным пауком, видны были на медных ветвях медный павлин и медный филин. По стволу упрямо взбирались змеи, ящерицы и черепахи, у подножия мелькали шляпки грибов, а из земли били фонтаны, и живая вода точно питала корни медного исполина.

— Налюбовались? — спросил Надарая. — Тогда пойдете.

И мы вошли во дворец.

Сколь ни впечатлялся был он снаружи, внутри он поражал еще больше. Обилием воздуха, света, простора. Все было изящно и соразмерно, пространство было использовано по-хозяйски разумно. Студии, комнаты для занятий, широкие вестибюли, украшенные гобеленами, — они были посвящены аргонавтам, приплывшим за золотым руном, — и, наконец, театральный зал с огромной сценой, на которой, как оказалось, проходили и оперные спектакли, — все выглядело до сверкания новым, излучающим праздничный блеск.

И все же то было только предлюдием.

— Здоровый дух в здоровом теле, — сказал Надарая и повел нас смотреть любимое детище — спортивный комплекс. Точно волшебник из рукава, он извлекал одно за другим чудеса. Стадион, который бы сделал честь любой лиге, бассейн, где проводятся международные состязания, с девятью дорожками, с местами для зрителей, гостиная на сто двадцать гостей, столь же уютная, сколь комфортабельная, два завершающихся строительства — зал для гандбола, для мини-футбола, для зимнего тенниса и спортинтернат, в котором будут жить и учиться шестьсот ребят, из них — сотня местных. Чуть дальше, вдоль реки Хоби, тянулась длинная великолепная набережная («Мы еще приводим ее в порядок, на всем протяжении будут гореть фонари, пусть их свет отражается в волнах»), а на той стороне, где над горячим источником курились белые облака, возводился бальнеологический корпус.

— Теперь — в монастырь Цотнэ-Дадияни. Это был человек чести, у нас чтут его имя.

В монастыре было темно и прохладно, к одной из фресок сиротски принакала икона. От первого легкого прикосновения проступило юное лицо с глазами, полными сегодняшней страсти.

— Нужны реставраторы, — вздохнул Надарая.

Он подвел нас к пролому в стене и показал на дикий инжир, буינו и неукротимо прораставший сквозь камень.

— Видите, живое пробилось через камень, и камень кажется живым тоже. Мы хотим, чтобы и наши музеи не только напоминали, а жили и действовали. Здесь, вокруг Цотнэ-Дадияни, летом раскинут всевозможный лагерь, днем молодежь строит, потом отдыхает. По вечерам на ступенях старого храма выступают певцы и танцоры. Разные языки, разные песни, тут уже не только музеи, не так ли? И то же в музее освоения Колхиды. Мы, конечно, развесили в нем портреты тех, кто осушал эту почву: и первого главного инженера, и того рабочего человека, который первым торил дорогу, и писателя Паустовского, воспевавшего этот подвиг народа. Но мы ведем еще в музейных стенах большую научную работу, собираем международные симпозиумы, воссоздаем в миниатюре колхидскую флору и фауну, хотим разбить ботанический сад.

Музей освоения Колхиды был расположен на высоте, с которой просматривалась сквозь легкую дымку одновременно щедрая и неподатливая колхидская земля. Прямо перед нами, на горизонте, был виден Поти с его причалами, новым нарядным морским вокзалом и стреловидными радиальными улицами.

ПОТОМ по дороге в Хамискури Надарая говорил:

— Вот и музей Пьера Кобахидзе, в который мы сейчас с вами едем, не только памятник большому артисту — он тоже действует и живет. А как — не скажу, увидите сами... Сколько я секретарствую? Когда начал, мне было еще тридцать, теперь сорок. Десять лет — срок немалый, а пронесли мы его, как один день. Мы кое-что сделали, вы это видели, но для этого нужно было не слишком нежиться. Выполнили пятилетку досрочно, это дало нам хороший задел, можно было приступить к строительству. Сперва было тяжело, но теперь все видят: недаром старались. Земля эта может быть очень ласковой, но без труда не даст ничего.

Машина, кряхтя, полезла вверх, по склону ползущей в гору дороги, мы въехали в просторный двор, охватывавший колхозом старый дом. Нас провели по скромным комнатам. С дощатых стен смотрели портреты известных деятелей грузинского театра, в самой большой комнате были фотографии самого Кобахидзе — в жизни и в любимых ролях. Висела одежда Уриэля Акосты, в которой он выходил на сцену, подсвечник, который он нес в руке. Эта роль принесла ему славу.

— Теперь сюда, — пригласили нас, и мы вышли на крохотный балкончик. Перед нами был античный театр — под балконом каменная полукруглая сцена, чуть выше — полукругом ряды. Надарая сказал:

— В прошлом году мы здесь проводили день грузинского театра. Не в Тбилиси, не в Кутаиси, даже не в Поти — здесь, в Хамискури. Люди собрались со всей округи, сидели, лежали, стояли, висели, никто не жаловался на тесноту. Настоящий был праздник! Вот это и есть тот секрет, о котором я говорил вам, — музей действует и живет. Пусть люди сначала сюда приходят увидеть того, кто от них ушел, потом придут к нему за советом.

Бадри Кобахидзе добавил:

— Прошлогодний праздник открыл напутствием Дмитрий Александрович Алексидзе, который нас всех выводил в люди. Он стоял на этом балкончике, был весел и радостен, никто не думал, что час его так скоро пробьет. Этот год был для нас очень тяжелым — ушел Алексидзе, и Нодар Думбадзе, и Георгий Калатаозишвили. Но жизнь неистребима так же, как творчество. Сегодня часто доводится слышать, что наше грузинское искусство переживает свою весну. Конечно же, нашим мастерам созданы редкостные условия, и все же такое внимание к искусству соответствует истинной традиции. Грузия занимает на карте нашей Родины не такое большое место, но творчество, но работа духа не знают ограничений...

Директор музея принесла книгу отзывов. Мне хотелось написать о многом, но было поздно, пора ехать, и я ограничился двумя строчками: «Счастливы художники, которых ценит народ. Счастлив народ, который ценит художников».